

— первая среди лучших —



Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой
Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

Шекспир мне друг, но истина
дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Девчонки, я приехал!

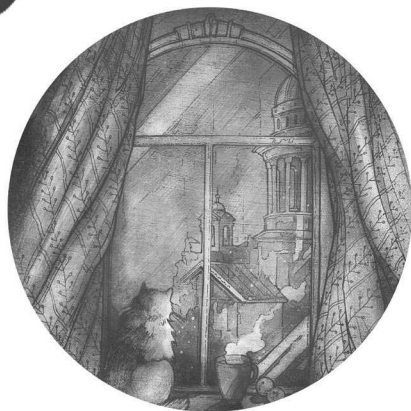
Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок

ТАТЬЯНА
Устинова



Настоящее



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление *А. Харитоновой*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Настоящее : сборник рассказов / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190964-2

«Я пишу истории о любви, которая сама по себе и есть окончательная награда, если она не больная, не бешеная, не выматывающая душу. Иногда я придумываю к ней красивые декорации – дома, машины, лужайки, а иногда и декораций никаких не придумываю, полным-полно историй, где герои живут в панельных домах и работают, скажем, в больнице!.. Это вам так сгоряча кажется, что все они про золушек. Ничего подобного».

Татьяна Устинова

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190964-2

© Устинова Т.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ТРЕТИЙ ЧЕТВЕРГ НОЯБРЯ

Но в том еще беда, и, видно, неспроста,
Что не годятся мне другие поезда.
Мне нужен только тот, что мною был обжит.
Там мой настольный свет от скорости дрожит.
Там любят лечь — так лечь, а рубят —
так сплеча.
Там речь гудит, как печь, красна и горяча.
Мне нужен только он, азарт его и пыл.
Я знаю тот вагон. Я номер не забыл.

*Ю. Левитанский.
«Сон об уходящем поезде»*

Конечно, она его не узнала, столько лет прошло!..

А сколько лет прошло?

Два года, что ли?.. Или уже больше? Нет, конечно, больше, больше, три с лишним! Расставались в апреле, а нынче уже ноябрь, значит, выходит, три с половиной!

...И когда они пролетели, эти три с половиной года?! Как успели?

Конечно, она его узнала.

Если бы прошло триста лет — ну, даже с половиной, — она бы все равно его узнала.

Нет ничего глупее вопросов, чем те, которые люди задают друг другу триста лет спустя.

— Ой, я тебя и не узнала! Ты как?

— Нормально, а ты как?

— И я нормально.

— А зачем ты к нам?..

— По делам. А ты все здесь?..

— А где же мне еще быть?..

— Да мало ли где...

— Нет, я здесь. Меня повысили, так что...

Про повышение было сказано не без умысла.

Умысел пропал втуне. Он не обратил внимания. Он никогда не обращал внимания на такие вещи.

Она с головой нырнула в сумку — за пропуском. А на самом деле чтобы не таращиться на него во все глаза.

Он придержал перед ней дверь — чтобы она не стукнулась в нее лбом. А на самом деле чтобы не рассматривать ее так уж откровенно!..

В вестибюле стало еще хуже, чем на тротуаре.

Во-первых, потому что голоса разносились по всему огромному и тихому помещению, отдавались от мраморной плитки. Во-вторых, здесь никого не было, кроме охранников за конторкой и нескольких опоздавших, маявшихся возле стеклянной коробки скоростного лифта.

Лёка вынырнула из сумки. Пропуск зажат в руке, и вид растерянный.

Он вдруг рассердился из-за этого ее растерянного вида. В конце концов, столько лет прошло!.. И ничего же не происходит. Он не собирается не-

медленно тащить ее... в «свою пещеру», и вообще никуда тащить ее не собирается!

Он рассердился и немедленно сказал глупость:

— Ну, пока! До свидания.

Она кивнула, он повернулся, и вдвоем они двинули к лифтам — «путь наверх» здесь был только один, общий для всех.

В полном молчании, плечом к плечу, они подошли к раздвижным дверям и стали.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна.

— Добрый день, Слава.

— Можно я к вам зайду после совещания? У меня вопрос.

— Да, конечно.

Слава стрельнул глазами в ее спутника, будто оценил, сделал странный жест, нечто среднее между кивком и поклоном, и отвернулся.

Хорошо, что половина сотрудников новенькие, подумала Лёка. Никто ничего помнить не может.

Хотя и помнить-то нечего!..

— Здравствуйте, Елена Сергеевна! — у нее за плечом негромко сказал тот, перед которым ей было так неловко, и она с изумлением обернулась и посмотрела.

— Мы же здоровались!

— Да мы уж и прощались.

Да. Это точно. Они уже попрощались.

Столько лет прошло, она даже не узнала его там, на улице! Впрочем, она сразу его узнала.

Лифты пришли, как водится, все одновременно, и в просторном хромированном пространстве,

увеличенном зеркалами и полировкой, она и он, конечно же, оказались вдвоем.

— Тебе какой?

— Шестой.

Он нажал две кнопки. Она не стала смотреть, какая вторая.

— Как ты живешь, Лёка?

Она улыбнулась храброй, независимой улыбкой.

— Я хорошо. А ты как живешь, Платон?..

Его звали Платон Легран, надо же такому быть!..

Была какая-то невразумительная история про петербургского дедушку-ресторатора, а может, и не дедушку вовсе, а прадедушку или прапрадедушку, оставившего в наследство такую фамилию. Платон никогда подробно не рассказывал, а то, что рассказывал, Лёка слушала вполуха, из вежливости.

Слишком много в последнее время развелось потомков дедушек-рестораторов, дедушек — великих князей, бабушек — балерин Мариинского театра, тетюшек-фрейлин и дядюшек-камергеров.

Все вранье!..

Камергеры, князья и балерины — которых не успели расстрелять — отбыли в Париж, а остальные сгнили на каторге и «вольных поселениях».

Потомок ресторатора посмотрел на нее, усмехнулся загадочно и пожал плечами — видимо, таким образом отвечал на ее вопрос о том, как он живет.

Лифт тренькнул, кабина дрогнула и остановилась.

Вот и поговорили.

— Ну... пока. Да?

— Кофе пить со мной не пойдешь?

Лёка засмеялась.

Если бы прошло триста лет — ну, даже с половиной, — она все равно узнала бы его по этому вопросу. Ни такта, ни деликатности, ни понимания, ничего!

— Не пойду, — сказала она и опять засмеялась, — а тебе что, делать нечего, среди бела дня кофе распивать с... — Она поискала слово, не сразу сообразив, как себя поименовать.

С бывшей любовницей? Со старой знакомой? С давней подругой?

— С тобой, — подсказал Платон Легран. Двери лифта бесшумно закрылись, и кабина опять поехала. — Я среди бела дня хочу распивать кофе с тобой. А что тут такого?

— Ничего, — проскрежетала Лёка. Он увез ее на другой этаж!.. — Нет, Платон, у меня дел полно, я и так опоздала!..

Лифт остановился.

— Ну, — спросил ее спутник весело, — теперь на первый двинем?

Лёка посмотрела на него почти с ненавистью.

Господи, она и забыла, какой он... противный. Самоуверенный, упрямый, привычно слушающий — и слышащий! — только себя.

— Точно не пойдешь?

Лифт опять дрогнул, и двери опять сошлись. Он наугад нажал какую-то кнопку, и они поехали.

— Слушай, — сказала Лёка, — я хочу выйти. Выпусти меня, пожалуйста.

— Высадка пассажиров осуществляется только на остановке. Вот сейчас будет остановка, и ты выйдешь.

И она вышла. Оказалось, он привез ее на шестой этаж, собственно, как раз туда, куда надо.

Она кивнула, очень раздраженная, — он знал эту ее манеру кивать, снизу вверх, когда она сердилась или была недовольна, — и, изо всех сил стараясь не коснуться его ничем — ни пальто, ни сумкой, — держась очень прямо, вышла из лифта и пошла по сверкающей плитке. Звук ее каблучков отдавался от мраморных стен.

...Почему стены мраморные?.. Как в гробнице или турецкой бане! Ну, на черта здесь мраморные стены?!

Платон знал ответ на этот вопрос: потому что в последнее десятилетие нефть была очень дорогая, вот и вся премудрость! Потому и стены мраморные, и полы мозаичные, и фонтаны на каждом этаже, и «Лексус» у любого мелкого деляги. И ПТУ поэтому же называется «колледж», библиотечный институт «университетом управления культурой», а любая барышня, пишущая в эсэм-эске «встретимся в понидельнек», именуется «психолог-консультант».

Еще есть барышни-дизайнеры, барышни — телевизионные ведущие, никогда невозможно узнать, что именно они ведут и, собственно, куда, — есть барышни-продюсеры, барышни-журналистки, барышни — бренд-менеджеры.

Только барышень-крестьянок не осталось ни одной, все повывелись!..

Не ко времени она попалась ему на глаза, его бывшая барышня-начальник!..

Ему нужно было в офис адвоката Астахова, и, неожиданно для себя приехав опять на первый этаж, Платон некоторое время соображал, на каком же этаже этот самый астаховский офис. Сообразив, он опять погрузился в лифт и поехал.

Охранники проводили его изумленными взорами. Мало кто в этом шикарном здании на Поварской просто так развлекал себя катанием на лифте вверх-вниз!.. Платон помахал им рукой — из вредности.

Они не сталкивались... сколько? Года три, наверное! А может, и больше. Впрочем, он всегда плохо помнил имена и даты, особенно такие, с которыми было связано что-то болезненное или неправильное.

Все, связанное с Лёкой, было болезненным и неправильным!

Не все, услужливо подсказала ядовитая и подлая память. Не все, не все!..

А третий четверг ноября? Молодое божоле? Ночь, дорога? Ничего такого ты не помнишь, конечно, но я-то точно знаю, как было, и ты можешь притворяться сколько угодно, лихачить, потряхивать гривой, приглашать ее на кофеек — гадость какая! — но я, твоя память, сейчас все тебе покажу! Хочешь?..

Он не хотел. Ей-богу, он не хотел, но было уже поздно.

Даже в этом слове — «божолё» — было что-то Лёкино, веселое, присущее только ей. По крайней мере, так ему когда-то казалось. Он не любил вино, и ничего в нем не понимал, и даже слегка гордился этим непониманием. В последнее время все до одного менеджеры средней руки, вчерашние выпускники все того же ПТУ, вдруг напропалую стали разбираться в винах, бриллиантах, марках одежды, в серфингах, дайвингах, флайфишингах, тест-драйвах, хорсингах, урожаях две тысячи пятого года, лакированных ботинках и «парфюмах с феромонами». Платон Легран пополнять собой легион разбирающихся и посвященных не желал решительно, а потому не разбирался и не посвящался.

Лёка его посвятила.

Нет, конечно, он слышал о том, что в третий четверг ноября следует пробовать молодое божолё, то есть красное вино нового урожая, и это вроде бы даже праздник там, где выращивают виноград и делают из него вино, то есть во Франции. К нему, Платону Леграну, этот праздник никакого отношения иметь не мог.

Он не выращивает виноград и не делает из него вино!..

— Ты что?! — сказала ему Лёка, когда он изложил ей все, что думает по поводу божолё, феромонов и лакированных ботинок. — Это же так здорово!

— Я не люблю красное вино. Ты же знаешь, я пью виски, и точка.

— Точка, точка, запятая, — пропела Лёка, подняла ему на лоб очки и быстро поцеловала

в губы. Она любила сделать что-нибудь неожиданное. — И твоя кривая рожа тут совершенно неуместна! И красное вино ни при чем!

— Как ни при чем, когда «божоле» — это и есть вино?!

— Третий четверг ноября, — торжественно объявила Лёка, — это предчувствие праздника, понимаешь? Это красные рождественские цветы, которые ставят на стол, чтобы праздник уже поскорее приходил! Это свечи, белая скатерть, горячее мясо и молодое вино в пузатом стакане! Это значит, что год на исходе и что времени осталось всего ничего, только доделать дела, подвести итоги, в последний раз собраться с мыслями перед Новым годом! Ты же не знаешь, что там, впереди! — И она длинно присвистнула. — За далью даль!..

— Ты что, — спросил Платон, прищурившись, — романтическая особа?..

— Сам ты романтическая особа, — сказала Лёка. — Мы немедленно едем в ресторан, ты оставляешь там машину, и мы надираемся красным вином. Согласен?

— Н-нет. У меня завтра с утра дела, и я не готов...

— Ты скучная, занудная, старая кляча, — объявила Лёка. Она знала, что он поедет и будет проделывать все, что ей хочется, так было всегда, и ей казалось глупым в этом сомневаться. — Ты даже не знаешь, от чего отказываешься!..

Он и вправду не знал.

По дороге она передумала и велела ему ехать в магазин, а не в ресторан, и он был ей за это благодарен.

Кажется, он даже думал тогда о том, как именно он благодарен, ядовитая колючка-память, впившаяся в сознание, проткнула насквозь твердую и надежную защитную оболочку, и те бывшие, позабытые, утратившиеся эмоции теперь вырывались наружу с тонким, протяжным, тоскливым свистом. Среди этих эмоций совершенно точно была благодарность.

Она не потащила его в ресторан, потому что знала: он ни за что не бросит в центре Москвы свою обожаемую машину, и не станет пить молодое божоле, и в ресторане у них не получится «предчувствия праздника»!..

Они поехали в магазин и купили там несколько темных бутылок, украшенных странными, непривычно яркими затейливыми этикетками — как на пластмассовых йогуртовых бутылочках. Должно быть, молодому божоле полагаются именно такие нелепые этикетки, кто его знает. Еще они купили мяса, сыра и, кажется, ореховый торт, так и оставшийся невостребованным.

Как-то моментально, в два счета, Лёка соорудила ужин: и свечи были, и пузатые бокалы, и они тянули это самое божоле, как воду, и Платон все пытался его нюхать, объявив ей, что точно знает — в вине должны быть букет, аромат, послевкусие и еще «нотки», как же без них!.. Должны быть «нотки» красной смородины, горького ириса, сладкой черешни и немного жгучего перца!

Ничего не вынюхивалось — ни перец, ни черешня, ничего!.. Должно быть, он и вправду не понимал в вине.

Потом в голове зашумело, как-то приятно, успокоительно, как будто теплый ветер подул с того самого французского виноградника, где разливали в бутылки молодое вино, и свечи загорелись особенно ярко, и сквозь теплый ветер в голове Платон подумал, что у него на самом деле никогда не было такого праздника, что это только Лёка и могла придумать!.. И еще он подумал, что дело вовсе не в божоле и не в том, что нынче третий четверг ноября, а в том, что им радостно и интересно вместе, как никогда не было поодиночке, и так теперь будет всегда!..

И так на самом деле было целую вечность — до самого апреля.

«Продолжать? — поинтересовалась ядовитая старуха-память. — Или хватит пока?..»

Третий четверг ноября!..

А еще на кофе пригласил и спрашивал, сделав специальный мужественный голос, пойдет ли она!..

Должно быть, память не только отравила сознание, но и что-то сделала с его лицом, потому что астаховская секретарша Маша, едва он вошел в офис, убралась от него за перегородку и оттуда тоненьким голоском спросила, чего Платон Алексеевич желает, чаю или кофе.

— Молодого божоле, — пробормотал Платон Алексеевич. — Ведро и половник. Взболтать, но не перемешивать.

— Простите, пожалуйста! Еще раз, пожалуйста!

Он никак не мог отделаться от мысли, что Лёка где-то рядом. Всего несколько стен, какое-то

количество мраморной плитки, мозаичных полов, пара фонтанов — и он ее увидит. Для этого ничего особенного не нужно, просто дойти до ее рабочего места. Он даже представил себе, как она выглядывает из-за стеклянной стены и какое у нее становится лицо.

За несколько прошедших лет они так ни разу и не встретились.

Странно — мы все время были в городе одном!..

Платон несколько раз заезжал к Павлу Астахову и каждый раз думал, увидит он Лёку или нет, и так ни разу и не увидел. А сегодня они столкнулись нос к носу.

Должно быть, оттого что ноябрь.

Лёка тоже думала про ноябрь и про то, что день начался неудачно, меньше всего на свете она хотела увидеть свою прошлую жизнь во всей красе! У «прошлой жизни» были очки, длинный нос, вечно скособоченный на сторону шарф, пристальный, даже какой-то прилипчивый взгляд, странная манера шутить, вечно грязная машина и нелепейший желтый портфель, всегда набитый бумагами.

Ужасный человек. Ужасный.

— Елена Сергеевна, генеральный просил зайти.

Лёка сделала над собой усилие, чтобы вернуться в реальность.

Ах да. Рабочий день. Сегодня совещание, от которого коллектив не ждет ничего хорошего, потому что всем было объявлено, что увольнения

начнутся еще до Нового года и продолжатся после. А как же иначе: в Штатах кризис ипотечного кредитования, поэтому у нас в офисе увольнения!.. Что непонятно?!

— Елена Сергеевна!

— Так, — сказала Лёка и провела рукой по лицу, словно стряхивая ненужное выражение, — значит, что? Сопещание отменяется?

Помощница Даша — впрочем, у них в офисе в полном соответствии с велениями времени все помощники именовались ассистентами — округлила глаза, а заодно и губы, как будто собралась произнести букву «о».

— Ну, что-о-о вы, Елена Сергеевна! Сопещание не отменяется. Партнеры уже приехали и ждут в зимнем саду. Но генеральный все равно просил вас зайти.

— Лучше бы ждали в Летнем саду.

— А?

— Даш, дайте мне кофе, только покрепче и прямо сейчас. Слава просил принять его после сопещания, вы позвоните ему и скажите, что я пока не знаю, во сколько оно закончится. Если очень поздно, то лучше пусть зайдет завтра.

Даша помедлила, а потом сказала грустно:

— Он, наверное, боится, что его уволят. У него жену уже уволили, а они кредит взяли на квартиру...

Лёка кивнула. А что ей оставалось делать?.. Она понятия не имела, уволят Славу или нет. Она даже как следует не знала, чем этот самый Слава занимается.

— Елена Сергеевна, — Даша вдруг закрыла за собой дверь и придвинулась поближе к ее столу, Лёка посмотрела на нее, — скажите, нас всех уволят, да? Всех?

Эти разговоры в последнее время стали постоянными. Про увольнения говорили в курилке, в буфете, на лестнице, где собирался «дамский клуб» просто так, поболтать. Больше болтать было решительно негде, ибо стеклянные стены были повсюду, кроме сортиров.

Кто-то из американцев времен Великой депрессии пошутил печально, что спад — это когда увольняют соседа, а кризис — когда тебя самого. Всех соседей медленно, но верно увольняли, и, как приговоренный ждет падения гильотины на собственную незащищенную шею, так, затаившись, закрыв глаза и прижав уши, все ждали, когда очередь дойдет «до нас». Но надежда — самое живучее, что есть в человеке, — все-таки шептала упрямо: может, пронесет, может, обойдется, мы-то ведь другое дело, не то что наши соседи!..

— Елена Сергеевна, ведь если уволят, то я прямо не знаю, как жить!..

— Надеюсь, что не уволят, Даша. Или уволят, но не всех.

— А... меня, Елена Сергеевна?

Лёка рассердилась.

Она всегда сердилась, когда не знала, что ответить.

— Даша, я даже не знаю, не уволят ли меня!.. Правда. Как только узнаю, сразу скажу, я вам обещаю. Пока я работаю, вам ничего не угрожает.

Даша шмыгнула носом, кажется, собиралась зареветь.

— Правда?

— Дайте кофе, а?

Платон Легран говорил ей, что она не умеет выстраивать отношения с подчиненными. Он говорил, что подчиненные непременно садятся ей на шею и она не только делает за подчиненных всю работу, но еще разбирает их семейные проблемы, ссужает деньгами, рекомендует, в какую школу лучше всего определить детей, а заодно и решает за них контрольные работы, если тем приходит в голову фантазия пойти куда-нибудь учиться. При этом она сама же, как начальник, за эту учебу еще и платит, а потом дает прибавку к жалованью, ибо после учебы квалификация сотрудников необыкновенно повышается!..

Лёка очень на Платона злилась, кричала, что он считает ее полной дурой, и доказывала, что ничего такого она не делает, просто людям нужно помогать. Он никогда ее не слушал, безнадежно махал рукой, и диспут захлебывался.

Телефон зазвонил, и Лёка, даже не посмотрев, быстро сняла трубку, только чтобы не видеть Дашиной несчастной физиономии.

Звонил генеральный:

— Лен, ты чего не идешь?

— Куда?!

— Ко мне, — сказал генеральный, немного подумав, как будто не сразу сообразил, куда именно она должна идти. — А что такое? Я же твоей ассистентке сказал — срочно!

— Я иду, Андрей.

Лёка поднялась со стула, нашаривая в кармане пиджака мобильный телефон, который следовало бы выложить, иначе он непременно зазвонит в самый разгар совещания. Переключать его на режим вибрации Лёка не любила.

Во-первых, для этого следовало нажать десяток кнопок в строго определенном порядке, и к концу процедуры от нетерпения она всегда начинала рычать.

Во-вторых, Платона всегда очень развлекала эта самая «вибрация». Каких только шуток он про нее не отпускал!..

Ужасный человек.

— Даша, почему вы мне не сказали, что генеральный вызывал срочно?!

Даша опять округлила глаза и губы, словно намереваясь произнести букву «о».

— А-а-а... я... не поняла, Елена Сергеевна... он как-то так сказал... вернее, не он сказал, а его ассистентка...

Ну да, конечно. Ассистентка.

— Даша, иногда нужно слушать, что вам говорят. Особенно если говорит генеральный!..

— Я слушала...

Лёка наконец вытряхнула телефон, подхватила со стола записную книжку, бросилась к двери, вернулась и стала копаться в бумагах.

— Дайте мне хоть какую-нибудь ручку! Быстро!..

— Вот, Елена Сергеевна. Вот ручка!..

Лёка сунула ручку в карман, мимоходом подумав, что она непременно потечет и изгаздает пид-

жак. Ручки всегда так делают. Потом Лёка захлопнула крышку ноутбука и сунула его под мышку. Генеральный очень любил, когда подчиненные являлись к нему в кабинет с компьютером, чтобы приступить к выполнению его указаний, так сказать, непосредственно у него на глазах.

— Зачем вы пишете ручками на бумаге?! — восклицал генеральный. — В наш век компьютерных технологий это просто варварство какое-то и позавчерашний день! Вы что, потом будете сами себя перепечатывать?!

Он даже мысли не допускал, что не все его указания годятся в дело, что иногда — и даже довольно часто, по правде говоря! — перепечатывать ничего не приходится, а конспектировать его умные и всегда своевременные мысли на компьютере не слишком удобно, особенно тем, кто не заканчивал курсов машинописи. Поэтому Лёка брала на совещания и то, и другое — ручкой она варварски записывала в блокнот, а включенный компьютер самодовольно гудел рядышком, в соответствии с требованиями двадцать первого века.

Лёка уже была за дверью, когда зазвонил мобильный, и она не стала отвечать.

Генеральный был озабочен.

Сам про себя он сказал бы — чертовски озабочен.

Генеральный любил не только ноутбуки и шагать семимильными шагами в двадцать первый век, но еще и красиво выражаться.

— Закрой дверь, — приказал чертовски озабоченный генеральный.

Лёка закрыла, села на свое всегдашнее место слева от него, одним движением раскрыла компьютер, выложила блокнот и достала из кармана ручку, которая вроде бы пока не протекла.

— У нас проблемы, — сообщил генеральный и побарабанил пальцами по столу. — Боюсь, что очень серьезные.

Лёка вдруг по-настоящему забеспокоилась. Как пить дать, он собирается сказать, что в период банковского и страхового кризиса в Штатах их контору на Поварской в Москве придется закрыть.

Хорошо Даше, она может умоляюще смотреть в глаза и спрашивать жалобно: «А меня тоже уволят, да?» А что делать ей, Елене Сергеевне?.. Умолять бессмысленно. Просить бесполезно. Рассказывать о своей тяжелой доле глупо, и это ни к чему не приведет.

У генерального доля еще тяжелее, у него столько народу на руках!..

Гильотина дрогнула в пазах, пошла сначала медленно, а потом стала стремительно падать.

Лёка выпрямилась, расправила плечи и начертила в ежедневнике длинную синюю линию.

Ну, как говорится, подведем черту!..

Генеральный обошел стол и сел рядом с ней, чего за ним отродясь не водилось.

— Слушай, Лен, у нас эта дура в Питере пропала, — сказал он ей в самое ухо, — и я не знаю, чего теперь делать. В милицию звонить глупо, да и не примут они заявление, я же не ее муж!.. И пропала она всего два дня назад, а в милиции,

кажется, принимают только через три. А в Питере все ждут, понимаешь? Сегодня звонили уже три раза, а я даже не знаю, что отвечать!..

Лезвие гильотины замерло в двух сантиметрах от шеи казнимого.

— Подожди, Андрей Владимирович, — попросила Лёка и опустила плечи, которые до этого держала чрезвычайно прямо, — я ничего не понимаю. Какая дура в Питере пропала?..

— Василькова. Жена этого твоего!.. Господи, — вдруг рассердился генеральный, — ну, что ты, правда, никак не можешь сообразить?!

Она сообразила, конечно.

Анастасия Василькова, жена Артема Василькова — бывшая, бывшая, конечно, — работала у них в юридическом отделе. Артем возглавлял службу безопасности, и с Лёкой у него был роман.

Даже, наверное, не роман, а любовь. По крайней мере, Лёке хотелось на это надеяться.

— Вот я и решил с тобой посоветоваться, может, ты у него спросишь потихонечку, куда она могла деться в Питере, может, у нее там двоюродная тетя или бабушка по материнской линии!.. Ну, хоть где она может находиться вместе с нашими договорами!.. — Тут генеральный, человек во всех отношениях культурный и устремленный в двадцать первый век, вкрутил такое крепкое словцо, что Лёка слегка отодвинулась и быстро взглянула ему в глаза.

Глаза были несчастные.

Дело, как видно, и впрямь серьезное.

— Андрей Владимирович, ты мне толком бы объяснил что-нибудь.

Генеральный махнул рукой, чуть не задев Лёку по носу, потом вскочил и стал бегать по кабинету у нее за спиной. Его отражение мелькало и пропадало в огромном черном омуте телевизионной панели, висевшей на противоположной стене.

— Да нечего объяснять, по большому счету!.. Эта Василькова повезла документы питерским партнерам. Должна была позавчера передать их на подпись, а вчера уже вернуться. Рассказов звонит — ни документов, ни Васильковой! Позавчера нет, вчера нет и сегодня тоже нет!.. Куда девалась — непонятно. Куда документы девались — тоже неясно. Телефон у нее не отвечает. В гостиницу звонили, там говорят, в номере ее нету, хотя она... как это называется... заселилась. Заселиться заселилась, а потом пропала. И чего делать? Шум поднимать?

— Шум? — переспросила Лёка.

От мелькания генерального в телевизионной панели у нее вдруг заболела голова, а может, оттого, что она подумала, как именно станет говорить Артему, что его бывшая жена... пропала!

— Ну да! Шум. В милицию сообщать и всякое такое. Нужно сначала у него узнать поделикатней, куда она могла в этом Питере провалиться! Ну, наверняка он знает ее родственников, знакомых, подруг!

— Наверняка знает, — повторила Лёка. — А что за документы, Андрей Владимирович?

Генеральный с размаху, как будто у него кончился завод, кинул себя в кресло. Кресло закачалось.

— Да в том-то и дело, — сказал он раздраженно, — что документы не простые, а золотые!.. Юристы полгода согласовывали с финнами, а те все ни в какую! Наконец-то согласовали, подписали, осталось только питерцам подписать! Вот-вот деньги должны пойти, это по нынешним-то временам! А документов нет, да еще оригиналов, понимаешь?..

— Да это я понимаю, — согласилась Лёка. — Я только одного не понимаю: эта Анастасия Василькова в юридической службе кем работает? Курьером? Рассыльной?

— Есть у нее какая-то должность, специалист первой категории, что ли! Какая тебе разница?

— А почему именно она документы в Питер повезла?

— Потому что курьера нельзя было посылать. Она же должна была с питерским начальством встречаться, чтоб оно подписало, а ты сама понимаешь: с начальством встречаться — дело вовсе не курьерское, да и хорошенькая она, эта Василькова!.. Все от нее в восторге, а когда партнеры в восторге, они и документтики быстрее подписывают!

Бывшая жена Артема на самом деле была очень хорошенькой, и Лёку это всерьез огорчало.

Она сама никогда не была «хорошенькой»!

— Ну, спросишь у него, Лен? Наверняка он знает! И хорошо бы в Питер по-быстрому сле-

тать, поискать ее. — Генеральный заглянул ей в лицо. — Лен, я тебя умоляю, возьми своего Василькова, и слетайте, а?

— Я?!

— Ну а кто?

Лёка не нашлась, что ответить.

— Если мы бумаг не найдем, придется всю канитель сначала заводить, а это значит, что никаких договоров не будет! Мы даже в прошлом году еле-еле наши условия протолкнули, а в этом!.. — Андрей Владимирович горестно махнул рукой и помолчал. — И там, в бумагах этих... много всяких таких сведений... в общем, ненужных третьим лицам!

— Секретных, что ли?! — язвительно спросила Лёка.

— Да не секретных! Но там сроки, номера счетов, юридические адреса, ну, ты ж понимаешь!

— Слушай, Андрей Владимирович, — помолчав, начала Лёка, — а тебе в голову не приходит, что ее там могли, я не знаю, убить, взять в заложники, переехать трамваем?! Тебя только бумаги интересуют, и больше ничего?! И как ты это себе представляешь? Вот прихожу я к Артему и говорю: твоя бывшая жена в Питере пропала, на связь не выходит уже который день. Но это все ерунда, главное, у нее документы были важные, и по ним питерские партнеры плачут. Поедем, найдем бумаги! Так, что ли?

— Я не знаю как! — заорал генеральный тихим голосом, чтобы не услышали в приемной. — Я знаю, что, кроме Василькова и тебя, мне по-

слать туда некого. Одного его я не могу, он там сгоряча чего-нибудь напорочит!

— В милицию надо заявлять, — твердо сказала Лёка, — а то мы с тобой погорим на самодеятельных расследованиях.

— Не нужно никакого, боже сохрани, расследования! Нужно выяснить, где она, и передать по назначению бумаги, и дело с концом!

— Андрюш, — сказала Лёка, дивясь его тупости, — ты понимаешь, что она может быть в морге?!

— Тьфу-тьфу-тьфу, — сплюнул через плечо генеральный, семимильными шагами направляющийся в двадцать первый век, — постучи по дереву!

— Да где тут у тебя дерево?! Стекло сплошное и пластик.

— Вон дерево. В кадке.

Лёка посмотрела в сторону окна. Там действительно стояло дерево в кадке. Она поднялась, подошла и постучала по стволу. Жидкая крона заколыхалась, а с листьев, кажется, посыпалась пыль.

— Я тебе говорю, надо в милицию заявлять! — повторила она.

— А я тебе говорю, что заявить мы всегда успеем! Ты завтра все там разузнаешь, и если уж совсем никаких следов нет, значит, будем заявлять! Кстати сказать, мы и заявить не можем, только родные!.. Ты не в курсе, у нее есть муж, кроме этого бывшего, который теперь твой?

Лёка вдруг оскорбилась:

— Андрей Владимирович, ты знаешь, что он мне пока не муж. И про его бывшую жену мне тоже почти ничего не известно.

Это прозвучало фальшиво, по крайней мере, сама Лёка расслышала в собственном голосе отчетливую ненатуральность.

Про бывшую жену она как раз знала очень много. Настолько много, что хотелось бы поменьше. Вот, например, кем Настя работает у них в компании, Лёка никогда не интересовалась. Даже не просто не интересовалась, а несколько нарочито. Ну, чтобы не ставить Артема в двусмысленное положение. Получается, что бывшая жена никто, а новая подруга, считай, большой начальник. Какой нормальный мужик это переживет?!

Артем был совершенно нормальным мужиком и нежным мужем, покуда был женат, а после развода стал нежным бывшим мужем.

Когда у Насти начиналась ангина, или она ссорилась с мамой, или не могла управиться с дочерью, или заканчивались деньги, она звонила Артему. Впрочем, даже когда ничего этого не происходило, она все равно звонила Артему и они разговаривали подолгу, тщательно, детально, со вкусом, и Лёка эти их разговоры ненавидела! В конце концов, они давно развелись, и теперь главное место в жизни Артема принадлежит ей, Лёке, а вовсе не бывшей жене!..

Собственно, тогда, триста лет назад, она рассталась с Платоном, потому что появился Артем — настолько другой, настолько на него не-

похожий, настолько родной, понятный и милый, что даже сравнивать его с «ужасным человеком» было нелепо.

— Я заказываю билеты, — подвел итог генеральный. — Прямо на сегодня. Мой водитель отвезет тебя в Домодедово.

— Мне еще надо предупредить Артема.

— Значит, предупреди. На самом деле я уверен, что ничего там страшного не случилось! И не делай такое трагическое лицо, пожалуйста!

Лёка оглянулась уже от двери.

— На самом деле мы не знаем, что именно там случилось, — сказала она, — а радостным свое лицо я сейчас сделать не могу!

Она вернулась в свой кабинет, уселась к столу, подперла подбородок кулачком и стала смотреть на крошечный глобус искусной работы — подарок Артема к прошлому Восьмому марта, а может, к седьмому ноября. Он любит дарить ей подарки.

— Мы же с тобой объедем весь мир, — сказал он тогда смущенно и сунул глобус ей в руку, — правда?

Лёка с восторгом согласилась — правда, правда!.. — и водрузила глобус на стол. Теперь он сиял и переливался голубыми, серебристыми и зелеными извилистыми линиями у нее перед носом.

Вот океаны, синие-синие, и по ним пущены выпуклые бурунчики белой пены. Хорошо там, в океане, на клипере, под парусами!

Вот экваториальные леса, зеленые-зеленые, и по ним пущены извилистые дорожки голубых

тропических речек. Хорошо там, на экваторе, — макаки на деревьях, змеи на ветках, и везде заросли, заросли!..

Вот пустыня, желтая-желтая, а по ней шагает караван верблюдов, и бедуины в белых платках, закрывающих лицо, идут, покачиваясь. Хорошо бедуинам!..

Так, что мы имеем?

Пропала бывшая жена нынешнего сердечного друга. Генеральному на нее наплевать — наплевать решительно! — но его волнуют документы, которые пропали вместе с ней. Задача Лёки — поехать в Питер, быстренько провести расследование, найти бумаги, попутно установить, где находится бывшая жена, не слишком обременяя начальство катаклизмами, которые могли с этой женой случиться. При этом она, Лёка, должна еще прихватить с собой Артема, который впадает в панику, даже когда у его бывшей делается насморк.

Он уверен, что она, эта бывшая, — совершенно не приспособленный к жизни человек. Не проследишь за ней, так она ложку мимо рта пронесет.

Впрочем, про ложку Лёка сама придумала!

Вряд ли у не приспособленного к жизни человека есть в Питере удалые друзья, способные увлечь его, этого человека, в многодневный загул, так что он даже о своих служебных обязанностях позабыл!..

Значит, случилось что-то на самом деле серьезное, и генеральный просто не разрешает себе думать о том, насколько серьезное!

— Елена Сергеевна, ассистент генерального просит ваши паспортные данные. Говорит, что это для билетов на самолет. А вы что, улетаете, Елена Сергеевна?

— Видимо, улетаю, Даша.

— Елена Сергеевна, а нас не увольняют?

— Даш, найдите Василькова и соедините меня с ним.

Почему-то звонить по мобильному ей не хотелось.

О ее связи с шефом службы безопасности, конечно, знали все сотрудники до единого, и все делали вид, что не знают.

Триста лет назад точно так же делали вид, что не знают о ее связи с Платоном Леграном. К счастью, тогда были другие сотрудники. Почти все.

— Это не организация, — как-то скорбел подвыпивший генеральный на новогодней вечеринке, когда за столом остались только он, пара замов, бухгалтерша, которую все звали Раиса Захаровна, хотя на самом деле она именовалась Татьяна Петровна, и в стельку пьяный благодушный финн, предполагаемый партнер. Финн остался только потому, что его совсем не держали ноги, и это его очень веселило. Все остальные разбрелись по темным углам — обжиматься, целоваться, миловаться, шептаться, обниматься, сливаться и качаться.

Такая форма досуга называется почему-то «корпоративная вечеринка».

— Это не организация, — скорбел генеральный, чокаясь с замами и финном, таращившим бессмысленные веселые глаза, — это публичный

дом какой-то! Ведь знаю, знаю! — Тут он поднял палец. — Знаю, что бабам нельзя работать вместе с мужиками! А что делать?!

А Лёка, то есть в этом случае как раз не Лёка, а Елена Сергеевна Беляева, начальник технического департамента, была уверена в обратном.

Елена Сергеевна была уверена в том, что только на работе можно встретить «главную любовь своей жизни» — звучит ужасно, но это правда! Тем не менее «главная» любовь тем и отличается от «второстепенной», что пролегает, так сказать, по самому центру жизненного, так сказать, пространства. А что там есть, в этом центре? Все правильно, работа! Самое главное, самое важное, самое интересное в жизни современного человека, и особенно современной женщины, происходит именно на работе. А где же еще этому важному происходить? Не у плиты же, не у стиральной машины, не в детской поликлинике с баночкой младенческих поделок, зажатой в руке, право слово! Взрослым людям нужны какие-то общие дела, и это не совместный просмотр сериалов или обсуждение тройки по природоведению у сына! Пары из разных миров, с разными интересами обречены на вымирание, такие пары, а вовсе не блокнот с ручкой вместо компьютера как раз и есть анахронизм и пережиток.

Вот, к примеру, они с Платоном Леграном так и вымерли — общих интересов-то не было! Пока он консультировал их проект, все шло хорошо, а потом стало плохо.

Его решительно не интересовало Лёкино повышение и что именно сказала на совещании Алла Николаевна о ее новом предложении.

Ее абсолютно не касались его научные изыскания и что именно сказал Михаил Наумович по поводу его статьи в американском журнале.

С Артемом у Лёки как раз была «генеральная» любовь, или «главная», — она время от времени путалась в собственных терминах. Он все знал про ее работу, ликовал по поводу ее повышений, а она сочувствовала, когда у них в службе начались «интриги» и некий Валера пытался Артема подсадить, но он подрезал Валере крылышки на самом взлете. Артем знал начальников и подчиненных, знал, кто кому дышит в затылок, кто как себя ведет, когда напьется, у кого на дне рождения всегда скучно, а у кого весело, и темы для разговоров никогда не иссякали.

Если бы не бывшая жена — не приспособленная к жизни! — все было бы просто прекрасно.

И вот теперь она пропала, ищи ее!..

Ужаснувшись собственным мыслям, Лёка быстро и воровато оглянулась, словно проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь, кто мог бы их подслушать.

Никто не подслушивал.

Как же она ему скажет?..

«Артем, твоя бывшая жена пропала. Артем, у нас неприятности. Артем, ты только не волнуйся, еще ничего не случилось». Или случилось?..

«Ничего особенного, мадам, вашего мужа зарезали».

Тут Лёка опять ужаснулась.

Должно быть, она плохой, злой, эгоистичный человек, и зря Платон упрекал ее в излишнем человеколюбии и редкостном умении взгромождать на себя чужие неприятности!..

Знает Артем или не знает?.. Вчера они не встречались, потому что Лёка с подружкой Маринкой «посещала премьеру». Лёка не была заядлой театралкой, а Маринка была, но ходить одной ей было скучно, и время от времени, когда настаивала Лёкина очередь, Маринка брала ее с собой. Все Маринкины походы в театр были строго распределены между друзьями и знакомыми.

Культпоход вышел неудачным — свидание с Артемом Лёка пропустила, и премьеры ей не понравилась. Весь первый акт она чувствовала себя полной идиоткой, потому что зал реагировал — хохотал, хлопал, по нему, как по весеннему полю, пробегал легкий и приятный ветерок одобрения, — а Лёка никак не реагировала. Шутки были несмешные, актеры играли плохо, принимали позы и говорили ненатуральными голосами. Впрочем, в программе было написано, что «подчеркнутая театральность, ломаность линий, странность не столько самой пьесы, сколько актерской игры, и есть основная концепция молодого талантливого режиссера Б.Ш. Бузукова, его особое видение».

Игра действительно была странной, а пьеса вообще нет.

Давали «Чайку».

Молодой и талантливый Б.Ш. Бузуков на фотографии выглядел представительным дядей лет

сорока пяти с немного кривым носом. Должно быть, для того, чтобы подчеркнуть, что кривизна эта неспроста, на голову он нахлобучил бархатный испанский берет и таким образом стал уже окончательно похож на режиссера.

В общем, всем нравилось, а Лёке нет, и она никак не могла понять, нравится ли Маринке. Та все время как-то подозрительно закрывалась от нее программкой.

В антракте выяснилось, что и ей не нравится и программкой она закрывалась, чтобы незаметно посмотреть на Лёку и проверить, нравится той или нет.

На второе действие они не остались. Немного пристыженные, под строгими взглядами гардеробщиц — ку-уда?! А досматривать?! А аплодировать?! А кричать «браво-о-о»?! — они быстро оделись и выбежали на улицу, на театральное крыльцо, под яркий вечерний свет фонарей.

На крыльце лежал тонкий пушистый снег. Откуда он взялся? Когда они заходили в театр, в Москве была осень, непроглядная, мрачная, без всяких надежд на зиму, а когда выскочили, оказалось, что зима пришла. Весь бульвар был тихий и чистый, как будто обновленный. И деревья стояли не шелохнувшись, принимая первое снеговое омовение, и машины под этим тихим и ровным снегом шли какие-то торжественные и даже, казалось, не такие грязные, как всегда.

По поводу первого снега и премьеры «Чайки» решено было домой не ехать, а идти по бульвару до первого ресторана и там «засесть». Они по-

шли, поддерживая друг друга под руки, чтобы не упасть — скользко было! — хохоча и радуясь тому, что удалось смыться.

Короче, с Артемом Лёка вчера так и не встрети­лась, а после ресторана и звонить не стала, поздно уже было, и она чувствовала себя ви­новатой, что бросила его под предлогом «Чайки», а сама потащи­лась в ресторан.

Кроме того, она была навеселе, и это ее тоже смущало.

Если вчера он звонил бывшей жене, значит, все уже знает. А может, та сама ему звонила, и он как раз знает «наоборот» — что все в порядке, просто у нее украли сумку с мобильным телефоном и всеми деньгами, и теперь она сидит в гостинице и даже не может из нее выйти, чтобы до­ехать до офиса питерских партнеров?!

С ней всякое может случиться!..

— Елена Сергеевна, Артем Валерьевич на вто­рой линии.

— Лена, — быстро сказал он, и голос его был ужасен. — Настя пропала.

Фу-у-ты, господи! Лёка моментально вышла из себя. Хоть бы эта Настя совсем пропала!..

Нет, так нельзя, это нехорошо.

Должно быть, она, Лёка, плохой, злой, эгои­стичный человек!

— Я позавчера ей не дозвонился, — говорил между тем Артем, и трубка нервничала вместе с ним, Лёке пришлось немного отодвинуть ее от уха, — хотя раз пять звонил, наверное! И вчера она тоже ни разу трубку не взяла. Лен, у нее там

что-то случилось, я это чувствую! Зачем только ее отправили в эту командировку?! Сто раз я ей говорил — не езди, ты все равно одна никогда не справишься!..

— Тем, — перебила Лёка, глубоко вдохнула и медленно выдохнула. В учебнике по йоге, который они с Маринкой недавно купили, чтобы обучаться, было написано, что лучший способ успокоиться — это медленно дышать «подреберной частью». Лёка положила руку на свой пиджак, чтобы определить подреберную часть, но так и не определила. — Темочка, скажи мне, а зачем ты ей звонил позавчера пять раз? Что-то случилось?

Он как будто споткнулся о ее вопрос и некоторое время думал, прежде чем ответить.

— Как — зачем? — растерянно спросил он, подумав. — Она же... одна, в чужом городе! С ней все что угодно может случиться... — Тут он наступал привычную почву под ногами и заговорил уверенней: — Вот видишь, и случилось! Только бы ничего плохого не было, такого, чтоб совсем уж!.. Она же ничего не может...

Может, может, хотелось сказать Лёке. Такого рода женщины виртуозно умеют убеждать мужчин, что ничего не умеют, и таким образом получают в свое распоряжение в одном лице носильщика портшезов, погонщика верблюдов, метателя кинжалов, глотателя огня, мойщика посуды, няньку для малютки, полотера, вахтера и шахтера.

Бедняжка мой! Как ты жил с ней так долго и остался в здравом уме и твердой памяти?! Ко-

нечно, ты беспокоишься, ты привык о ней беспокоиться, ты столько лет о ней беспокоился!

А кто все это время беспокоился о тебе?! Конечно же, никто! Никому ты был не нужен и не важен, мой хороший, мой бедный, мой несчастный мальчик. Зато сейчас появилась я — и я тебя спасу.

Я же сильная. И совершенно приспособленная к жизни.

— Темочка, — сказала Лёка ласково, — ты не переживай так сильно. Мы с тобой поедem в Питер и ее найдем. Скажи мне, а у нее нет там родных, друзей, не знаешь?

— Знаю, конечно, — тут же ответил Артем. — Нет у нее там ни родных, ни друзей и не было никогда. Говорю тебе, что-то случилось!..

— А... девочка с кем осталась?

Почему-то Лёка никогда не называла дочку Артема по имени. Не получалось у нее.

Впрочем, эту манеру она подцепила когда-то у Платона, которого совершенно искренне и не обидно не интересовали чужие дети, и он в них вечно путался.

— Это у него дочь Сережа? — заинтересованно и доброжелательно спрашивал он у Лёки, когда она вела его в очередные гости. — Или нет, нет, у него сын Лена? Я помню, на прошлой неделе был какой-то лысый с сыном Леной!.. Помнишь, на вечеринке в память павшего народовольца Вучетича?

Таким макаром он демонстрировал Лёке еще и собственную полную непригодность к светской жизни. Она сердилась и выговаривала ему за это.

Вообще он неприятный человек. Ужасный.

Из-за него девочку Артема пришлось звать просто девочкой. Ну, то есть дочку, дочку, да!..

— Артем, ты не слышишь? Ребенок с кем?

— Дашенька с Настинными родителями, — признался он как-то неохотно, будто девочку на время сдали в детский дом, — я ее к ним в Братеево отвез. Ну, перед Настинной командировкой.

Ну и что тут такого?! Ничего такого тут нет! Он нормальный мужик, ответственный, добросовестный, он выполняет свои отцовские обязанности, не чета другим, безответственным и бессовестным! Все же он ей достался не двадцати пяти лет, как-никак «мужчина с прошлым», и она должна с уважением к этому относиться. В конце концов, девочка навсегда останется его дочерью! И Лёка, современная — может, и не такая, как шеф Андрей Владимирович с его компьютерами, но все же! — умная, раскрепощенная женщина, должна с пониманием относиться к его обязанностям.

Хотя, конечно, иногда ей хотелось, чтобы ответственности и порядочности у него было поменьше. Ну, чтоб он работу хоть раз проспал — из-за бурного утреннего секса. Или неприспособленную бывшую супругу хоть раз на дачу на электричке отправил — ради выходного дня с Лёкой. Или какую-нибудь смешную глупость сказал — просто чтобы Лёка перестала раздражаться.

Но ни ответственности, ни порядочности у Артема не убывало. А говорить смешные глупости умел только Платон Легран, но он не был ни милым, ни порядочным, ни ответственным.

Он все путал, обо всем забывал, и ему ничего нельзя было поручить.

Когда Лёка просила его заехать в магазин за кефиром и сельдереем, он или тут же забывал об этом, или привозил ореховый торт. Сельдерей его не интересовал решительно, и он нисколько этого не стеснялся.

Артем никогда ничего не забывал и не путал и все Лёкины просьбы всегда записывал на бумажку, чтобы исполнить в точности.

Он очень хороший человек, ее Артем.

Теперь этот хороший человек невыносимо страдал в трубке возле ее уха:

— Лена, я, наверное, должен в Питер полететь, чтобы постараться... Настю найти. Только я понятия не имею, как я буду ее искать и, самое главное, где!..

Голос у Артема дрогнул, и Лёка, как охотничья собака, услышав команду «Пиль!», вся наострилась, подтянулась, приготовилась — и бросилась вперед.

Утешать.

Утешала она довольно долго и, кажется, продуктивно, потому что истекающее из телефонной трубки прединфарктное состояние постепенно перешло просто в нервическое, а потом почти в стабильное.

— ...Все будет хорошо, я в этом уверена! Андрей Владимирович тоже обеспокоен, я как раз от него вернулась, он просил меня слетать с тобой, чтобы там чем-нибудь тебе помочь!

— Андрей Владимирович? Волнуется? Ни за что не поверю! Это, наверное, ты его уговорила, да, Лен?

Лёка моментально сообразила, что надо соглашаться — да, да, конечно, именно она уговорила генерального отправить начальников двух разных служб в командировку спасать одного «специалиста первой категории»!.. Артем поверит, что это она, и будет ей за помощь как минимум благодарен. Отличный ход.

— И как тебе удалось его уговорить, а, Лен?..

Лёка, покраснев — хорошо, он не видит! — сказала, что это было довольно трудно. Но она постаралась.

— Спасибо тебе, Лен. Ты... самая лучшая на свете. Никто меня не понимает так, как ты!

«Никто меня не понимает, и молча гибнуть я должна», — фальшиво пел Платон Легран, когда Лёка кричала, что он ни черта не понимает в ее, Лёкиной, тонкой натуре.

Господи-и, зачем он попался ей сегодня с утра пораньше?!

Через час Лёка была уже дома и задумчиво стояла над сумкой, в которую следовало бы что-нибудь положить. Впрочем, можно и не класть — она летит всего на один день, ну максимум на два, потому что, если в эти два дня ничего не прояснится, придется «подключать» милицию, а это уж решительно не Лёкино дело!

Можно и не класть, но она так любила... наряжаться!.. Ей нравилось хорошо выглядеть. И нра-

вилось, что теперь, когда она много зарабатывает, у нее есть такая возможность.

На завтрак в отеле надо в чем-то пойти? Надо!

Переодеться к ужину после целого дня беготни по городу надо? Надо!

Кроме того, она еще очень любила туфли на каблуках, и хотя, как здравомыслящая женщина, понимала, что на этих самых каблуках да по раздолбанным, залитым водой, а потом подмерзшим тротуарам ходить нельзя решительно, что каблуки годятся только для того, чтобы, выйдя из машины, донести себя до подъезда, что от них моментально устают ноги, а пальцы, на которых надо все время стоять, затекают и мерзнут — все равно предпочитала только каблуки!

Артем всегда очень беспокоился, когда она надевала шпильки.

— У тебя же ножки устанут, — говорил он, — давай возьмем с собой сменную обувь, чтоб ты в случае чего могла переобуть.

Но эта «сменная обувь» Лёку приводила в бешенство, и она героически шкандыбала на шпильках!

Итак, туфли — на каблуках, конечно, — и еще одни на всякий случай, если от тех каблуки отвалятся. Белый свитер с высоким горлом, мечта, а не свитер. Артем подарил на прошлый день рождения. Джинсы такие и сякие, и к ним пиджачок, чтобы более или менее соблюсти официоз в офисе у партнеров.

Хватит?.. Или еще?..

И тут позвонила сестрица.

— Ну, ты где? — спросила сестрица с ходу. — Не звонишь с самого утра! Обалдела совсем!..

— Я не обалдела, меня посылают в командировку.

— В Йоханнесбург?

У сестрицы все время были какие-то странные фантазии.

Лёка моментально сбилась и некоторое время не могла сообразить, куда именно ее посылают в командировку.

— Почему в Йоханнесбург? Откуда ты его взяла?! Я лечу... Господи, в Питер я лечу!

— Только и всего? — протянула сестрица. — Возьми меня с собой! Мне скучно, ничего не пишется, надо сдавать, а я ни строчки не в состоянии из себя выжать!

— Я не могу.

— У тебя важное правительственное задание?

Лёка засмеялась:

— Почти попала! У меня полицейское расследование.

— Как полицейское расследование? Тебя забрали в кутузку? Подозревают убийство?

— Как ты думаешь, взять с собой юбку или не брать?..

— А кого ты могла укокошить? Ты же смиренная, законопослушная, мирно пасущаяся овца!

— Я не овца. Вроде всего на два дня, и один уже, считай, прошел! Хотя юбка может пригодиться.

— Кто прошел? Куда прошел? Дворник прошел с лопатой, и именно его подозревают в со-

вершении убийства, потому что удар был нанесен лопатой! Следовательно, лопата должна быть приобщена к делу как орудие преступления. А лопата деревянная или совковая?..

Лёка окончательно запуталась.

Сестрица писала романы — детективные, разумеется. Мало того что она их писала, она еще как будто все время жила внутри того, о чем писала! Она постоянно придумывала. Еще в детстве она врала так вдохновенно, что родители не понимали, ругать девочку за гнусное вранье или хвалить за высокий полет фантазии. Пока они разбирались, ругать или хвалить, Ника выросла и стала писать романы.

Все вокруг утверждали, что «неплохие», а Лёке казалось — чепуха какая-то! Как это серьезный человек тридцати лет от роду может сочинять такую ахиною? Ну вроде только что явившегося дворника с лопатой?!

— Ну, Лё-ока! Ну, возьми меня с собой! Я буду сидеть тихо-тихо и нисколечко, ну вот нисколечко тебе не помешаю!

— Да не могу я! — рявкнула Лёка, застегивая сумку.

Про юбку-то она позабыла. Брать или не брать?..

— У тебя там свидание, что ли? А этого ты куда денешь, красавца-мужчину?

Красавцем-мужчиной она звала Артема.

Неизвестно почему Артем Нике не нравился. Ну, то есть совсем.

Лёка, которой хотелось одобрения, скулила, что он замечательный — добрый, умный, инте-

ресный и правда красивый. В плечах косая сажень, и все такое. Еще они работают вместе, и он все про нее, Лёку, знает, им хорошо вдвоем. Еще он любит то же самое, что и она, — за город поехать, шашлыки пожарить, в баню сходить.

Ника утверждала, что, кроме этой самой сажени, которая в плечах, никакого другого интереса в нем нету. А шашлыки и баню любят все — под настроение, кто больше, кто меньше.

Все? Больше никаких достоинств не наблюдается? Или еще есть?

Лёка сердилась ужасно. Она доказывала, что он добрый — «Собак не бьет!», тут же вставляла сестрица, — чуткий, ответственный, веселый и, самое главное, понимает ее, Лёку!

— Да чего тебя понимать-то? — спрашивала Ника. — Ты что, на китайском языке все время излагаешь и тебя никто понять не может?! Только он один, как китаец?!

Особенно Нику злило трепетное отношение Артема к бывшей жене и дочери.

Конечно, Лёка не признавалась, что ей это тоже немного... странновато, но Ника просто буйствовала.

— Ты пойми, — говорила она очень убедительно, — он такой трепетный не от доброты, а от слабохарактерности! Да если б она его сама не выставила, эта бывшая, он бы никогда не ушел! Он просто надоел ей хуже горькой редьки, вот и все дела! А может, у нее роман посторонний случился, а эта твоя косая сажень ей мешалась все время, под ногами путалась!

— Ничего он не слабохарактерный. Просто он ответственный. Он столько лет ее любил! И девочку очень любит! Да это и правильно! Сколько мужиков-козлов детей бросают и знать потом не хотят, а он совсем не такой.

— Да я ж не призываю, чтоб он девочку бросил! Пусть себе любит на здоровье! Но он по первому свистку туда бежит и давай за девочкой ухаживать! То ее надо в школу, то у нее понос, то на дачу! А он знай поворачивайся! Ему-то что теперь за дело, понос у нее или нет? Теперь у нее мамка и новый папка, а старый должен только красиво гулять с ней в парке по выходным!

— Ника, ты ничего не понимаешь в мужчинах!

— Ну, ясное дело! Я же выпускница Туринской католической школы и понятия никакого о них не имею! Всего только три раза замужем была!

Так они беседовали, но поссориться по-настоящему им никогда не удавалось, с тех самых пор, как морозным декабрьским утром их общая мама принесла на кухню увесистый сверток, похожий на гигантское печенье-трубочку, и объявила трехлетней Лёке, что внутри трубочки — ее сестра Ника. Лёке было страшно любопытно, она тянула нос вверх, чтобы посмотреть, что такое «сестра», и пахло от трубочки приятно — улицей, чистотой и еще чем-то хорошим.

Пахло хорошо, а ничего такого интересного внутри не оказалось. Просто какой-то ребенок, довольно уродливый, весь кривой. Он еще и извивался в разные стороны, сучил ручками и ножками.

— Ты ее очень любишь, — сказала мама уверенно. — Ты так ждала, когда у тебя появится сестра, и теперь ее очень-очень любишь! Поняла?

Если бы мама не стала повторять Лёке каждый день, что та очень любит Нику, она бы, может, и не догадалась об этом сама. Но мама повторяла, и как-то так получилось, что Лёка правда очень любила Нику, а Ника — Лёку.

В данный момент Ника разорялась в трубке, а Лёка с большим трудом запихнула юбку в сумку и потащила ее к двери.

Артем должен приехать с минуты на минуту.

Хорошо бы успеть сварить к его приходу кофе. Он любит крепкий кофе — сорт «Лаватца» — с ломтиком лимона и тоненький гренок с листом салата и лепестком копченой утиной грудки.

Он вообще хорошо разбирается в дорогой одежде и правильной еде.

— Это ты его приучила, дура, — гундосила сестрица, когда им случалось вместе обедать. — До тебя, с супругой, он небось бутерброды с колбасой наворачивал и щи мясные из кислой капусты! А ты ради него все кулинарные шедевры изготавливаешь!

Но после Платона, которому было решительно все равно, что есть, Лёке нравилось кормить Артема, которому было не все равно. Ей хотелось, чтобы глаза у него блестели, чтоб ему было вкусно. И чтобы она была для него самой лучшей, самой заботливой, белочкой-умелочкой!..

— Короче, в Питер ты меня не берешь, — заключила сестрица. — И я тут хоть пропадай со своим романом, который не пишется!

— Как это не пишется? — спросила разумная Лёка. — Ты сядь и пиши, вот он и напишется.

— Да ведь, когда «сядь и пиши», ерунду какую-нибудь напишешь, потом все равно придется переписывать. Надо хорошо писать-то! А писать хорошо — трудно, это еще Горький подметил, великий пролетарский писатель.

— Ты все равно не напишешь как Горький, — возразила Лёка. — Ты уж пиши как бог на душу положит!

— Да мне надоел этот роман, сил нет!

— Ну, тогда напиши прямо сейчас, с красной строки: «Все умерли». А внизу напиши: «Конец». Будет концептуальная проза.

— Я с тобой как с человеком, а ты!.. Так чего тебя в Питер несет столь внезапно? Мы что-то отвлеклись.

— В командировку.

— А почему ты говорила про кутузку?

— Это ты говорила, Ника! Там у нас просто... человек пропал. Да еще с документами. Ну вот шеф и попросил, чтобы я съездила, поискала его.

— Ты что, глава общества искателей?!

— Ника, отстань от меня. Я варю кофе. Сейчас уже Артем придет, у нас времени нет совсем.

— А он с тобой летит?

— Ну да.

— Ну, это еще туда-сюда, — сказала сестрица задумчиво, — а то она одна поедет пропавших искать! А как он мог пропасть, этот ваш человек? Где? И что у него за бумаги?

— Ника, не приставай.